

После такой откровенной аттестации становится трудно говорить о «заискивании». Близость Чулкова ко «Всеякой Всеячине», как и к Сумарокову, — только кажущаяся. Майков, не раз заявлявший о своей приверженности к сумароковской школе, был злейшим врагом Чулкова. И Сумарокова вывела из себя не поэма «Елисей», а «Плачевное падение стихотворцев», несмотря на то, что в «Елисее» проведено достаточно сильное «снижение» олимпийского величия богов. «Елисей» был для Сумарокова «своей» вещью, а поэмы Чулкова — враждебным выступлением «придворного лакея».

Вот как Чулков описывает Юпитера:

«Восстал он посреде, где боги и богини
В то время кушали привозные к ним дыни
И только лишь кусок он дыни прожевал,
Чувствительно тогда Юпитер задрожал. . .»
(Пл. и. стих., 2.)

Это место имеет в виду IV стих эниграммы Сумарокова:

«Окончится когда ль Парнасское роптанье?
Во драме скаредной явлюсь воспитанье:
Явилось еще сложение потом:
Богини дыни жрут; Цегас стал видно хром.
А ныне етот копь шатаюся, тупея
Не скачет, не летит, ползет, тащит Помпея».
(1-е изд., т. IX, стр. 178)

За эниграммой последовала басня «Парисов суд»:

«У парников сидели две богини
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни:
Российской то сказал нам древности толмач
И стихоткач;
Который сочинил какой то глупый плач,
Без склада
И без лада».

Дальше, пародируя Чулкова, он пишет:

«Юнона подавилась.
Минерва
Напилася как сержва» и т. д.
(1 изд., т. VII, кн. 6, притча 52.)

Но этим Сумароков не ограничился. В 1770 г. Чулков издал «Собрание разных песен», куда включил и некоторые песни Сумарокова, приложив к ним редакторскую руку. Это вызвало гневный укор Сумарокова в предисловии к «Дмирию Самозванцу» (1771): «Подъячему соплетать похвалы вкуса книжничей и господи-